

10⁽⁶⁸⁾

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

АВГУСТ
2007

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА БОГОСЛУЖЕНИЯ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ – ЭТО УГЛУБЛЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ВЕРЫ

Интервью с проф.-свещ. Иоанном Михоком, директором семинарии в Нянце

Фото Максима Дементьева

«Кифа»: О. Иоанн, когда была построена эта семинария?

Прот. Иоанн Михок: Уже в XV веке при монастыре была школа. В 1836 году здесь были построены здания для образовательных учреждений. Сама школа была основана в 1843 г. — «духовная школа» старца Неонила, существовавшая до 1848 г. Во времена преп. Паисия Величковского здесь были люди, которые делали переводы с греческого на старославянский. Существовала и школа каллиграфии. В монастыре занимались не столько образовательной деятельностью для монахов, сколько образованием священства, которое было здесь. Во времена Паисия в монастыре вокруг него собиралось около тысячи монахов.

При коммунизме, когда по всей Румынии действовало только пять семинарий, одна из них находилась в Нямецком монастыре. В то время студентов было не более сотни. После 1989 года у нас было более ста студентов и около ста тридцати монахов. В 2002–2003 учебном году число студентов достигло 372. Среди них есть молодые люди, которые приезжают сюда и здесь живут.

У нас всего пять курсов. И семинаристы, и монахи проходят одни и те же курсы. Студенты живут здесь постоянно, а монахи проходят дистанционное обучение. Они обучаются здесь 2 месяца в семестр. Для них предусмотрены курсы более краткие, они должны писать какие-то работы и параллельно готовиться к экзаменам. Монахи не могут здесь проводить много времени, поскольку монастырская жизнь накладывает на них другие обязательства. И именно поэтому мы отделили их в отдельные классы, поскольку преподаватель должен по-другому их вести.

«Кифа»: Какую роль играет монашеская часть студентов?

О. Иоанн: Очень большую, потому что монахи приходят сюда, уже обладая духовным опытом. Кто-то из них приходит сюда очень молодым. Многие из студентов-монахов находились какое-то время в монастырях, рядом с хорошими духовниками, поэтому у них хороший стартовый уровень. Среди студентов они пользуются уважением. Наши студенты посещают монастыри. Когда они становятся священниками, монахи посещают их в приходах и продолжают общение. Создается такое содружество. В этой области наш монастырь очень любим верующими. В период коммунизма монастырь играл значительную роль, и никто не мог его разрушить, хотя, быть может, и хотел. Монахи защищались, уходили в горы, леса, строили землянки, и никто об этом не знал. Отец Клеопа, очень известный исповедник, девять лет прожил таким образом. Другой известный исповедник отец Паисий так прожил еще больше лет. Были и те, кто убежал в горы. Это было похоже на катакомбы.

Этот монастырь имеет крепкую духовную силу. И те исповедники, которые прятались в горах, приходили по ночам в монастырь и проповедовали. Многие из остальных умерли в тюрьмах. Те, кто решался бежать — избегал заключения.

«Кифа»: Есть ли в вашей церкви стремление к канонизации тех исповедников, мучеников, которые погибли в это время?

О. Иоанн: Да, есть книги о мучениках, о заключенных. Уже издано много томов. Но в нашей православной церкви не принято так быстро канонизировать, должно пройти время, чтобы все успокоилось, устоялось. Католики обычно быстро канонизируют. В нашей церкви были святые, которые были канонизированы только спустя 500 лет.

«Кифа»: Много ли мучеников среди этих исповедников?

О. Иоанн: Конечно много, но не так много как в России. У нас и населения тоже меньше. Но все равно их были тысячи. И в Воинстве Господнем их было много. Нам известно много о святых, которые умерли недалеко от Архангельска. Многие были собраны в концентрационных лагерях, заточены в Сибири. В тех местах погибло очень много не только священников, но и просто верующих. В Сибири, в монастыре Оранки¹, был большой концентрационный лагерь, где многие погибли. Об этом пишет о. Дмитрий Бежанц в своей книге, написанной после Второй мировой войны. Там упоминалось, что были обнаружены захоронения на 10 уровнях. Там были погребены тела заключенных — политических и священников, монахов — из Румынии, Молдавии, России. Человек, со слов которого была написана эта книга, был тоже заключенным в этом лагере после Второй мировой войны. Он сказал, что после Первой мировой войны в заключении находилось более 15 тысяч епископов, священников, монахов. Их заставляли отречься от веры в Бога. Коммунисты говорили: «Мы даем вам время до завтрашнего утра подумать». И кто-нибудь один из епископов шел вперед и говорил от всех: «Нет, мы не отказываемся от нашей веры». И они все были расстреляны. Только этот человек выжил, спрятался в лесу. Когда румынские заключенные попали в эти места, они работали в лесу. Один из них — о. Дмитрий Бежанц — случайно встретился с этим человеком. Так о. Дмитрий узнал о тысячах погибших священников и монахов. Поэтому мы имеем такое свидетельство об этом месте — Оранки.

«Кифа»: Мы также знаем об открытии случаев многаярусных захоронений. В Сибири, недалеко от Томска весной подмыло берег реки, и тела поплыли, заполнив всю реку. Люди встали утром и увидели обрыв, где видно было множество ярусов свежих захоронений и реку, полную тел. До этого случая никто не знал об этом захоронении и о количестве погребенных. Ходили только слухи.

О. Иоанн: Какова сейчас ситуация в России? Достаточно ли у вас сейчас свободы, чтобы ходить в церковь?

«Кифа»: Люди ходят в церковь. Проблема только в том, что приходят люди, которые совсем не знают христианской традиции, потому что она была прервана.

О. Иоанн: Во время коммунистического режима в нашей стране не было ни одного некрещеного ребенка. Все были крещены. В этой сфере шла постоянная борьба, но священники остались победителями. Многие из них были посажены в тюрьму, но это не имело для них значения: оставшиеся все равно продолжали свое дело. Румыния так легко не отрекалась от своей веры. У нас, конечно, коммунистический режим существовал гораздо дольше. После 1989 г. у нас возник вопрос, сколько верующих среди румын. 99,9% оставались верующими, может быть, не столько православными, но верующими. При Чаушеску эти люди не отказались от веры, хотя, естественно, не все из них проявляли ее на деле.

«Кифа»: О. Иоанн, что Вы думаете о переводах богослужебных текстов на современный язык? Например, святой Паисий переводил. Имее ли Вы какую-нибудь историю переводов?

О. Иоанн: Да, у нас есть такие примеры. Святой Паисий написал очень много книг, которые сохранились. Он перевел с греческого на старославянский. Например, благодаря переводам книга «Добротолюбие» распространилась на весь мир. Можно посетить нашу монастырскую библиотеку, в которой есть исследовательские работы и переводы Паисия.

«Кифа»: Можно ли работать с этими книгами? Разрешается ли работать с ними в библиотеке?

О. Иоанн: Работать можно, но только в библиотеке. Но хорошо ли вы понимаете церковнославянский? Все это написано на церковнославянском. Есть специалисты, которые изучают греческие и старославянские богослужебные тексты.

Продолжение на с. 2

¹ Видимо, имеется в виду Оранский монастырь в Богородском районе Нижегородской области.

в номере:

Мы хотели посмотреть, что же такое общая христианская жизнь

В июле в Подмосквовье прошел детско-молодежный лагерь Преображенского содружества
с. 4-5

Сегодня общество потеряло всякое представление не только о святине, но и о коштунстве

Интервью с деканом религиозоведческого факультета Свято-Филаретовского института М.В. Шилкиной
с. 6

Богословие всегда стоит на той или иной философской основе

О русской богословской традиции размышляет протоиерей Михаил Меерсон-Аксенов
с. 7-8

Миссия религиозных журналистов

Удается ли сегодня исполнить ее хотя бы отчасти?
с. 8

Никакой человек не живет без веры

В приложении «Миссионерское обозрение» — новости и обсуждение открытого письма академиков РАН президенту России

Основная задача богослужения на родном языке – это углубление понимания веры

Продолжение. Начало на с. 1

«Кифа»: Думаю, что лучше всего знают церковнославянский у нас в институте, потому что мы переводим тексты с церковнославянского на русский язык. Но сегодня многие в церкви осуждают нас за эту переводческую деятельность. Сейчас люди часто не узнают подлинную традицию. В России в 1917-1918 году был собор, который предложил много очень важных вещей для обновления церкви, необходимых и сейчас. Тогда, например, было принято решение о возможности служить по-русски. Однако многие явно или неявно не признают решения этого собора.

О. Иоанн (с оживлением): Они хотя церковнославянский. Вот почему они отреагировали от своей веры: они никогда не понимали значения Литургии, ведь они никогда не говорили по-церковнославянски. Основная задача богослужения на родном языке – это доступность людям, чтобы углублялось понимание веры. Я нашел ответ на вопрос, который меня давно беспокоил. Для меня было удивительно, как нация, которая была известна силой своего христианства, могла массово отречься от своей веры. Я думаю, что причина, почему люди убивали своих епископов и священников, в том, что они никогда не понимали их. Это очевидное и убедительное объяснение. Так в Румынии пытались научить полицейских таблице умножения. Их пытались учить, но они никак не могли выучить, и учителя предложили запоминать таблицу как мелодию. Некоторое время спустя полицейские спросили: «Помните ли вы то время, когда были глупыми и учили таблицу умножения?». И ответ был таков: «Я помню мелодию, но не помню таблицу».

«Кифа»: Вот так зачастую и мы, сосредоточившись на «мелодии» богослужения, теряем его смысл. В девятые годы наше братство пережило гонения именно за русский язык в богослужении, за стремление сделать его более понятным.

О. Иоанн: Вы должны за это бороться, иначе вы никогда не научите людей истинной вере. Постепенно, как и католики, греки стали служить чист своего богослужения на греческом. В Греции это очень распространенная ситуация, когда люди не понимают. В этом смысле ситуация в Румынии гораздо проще.

Говоря об обновлении церкви, мы не должны придерживаться только буквы канона. Если нам хочется обновления, рано или поздно церковь это примет. Это естественное развитие, это начало. Со временем все поменяется.

Сейчас можно сравнить ситуацию с тем, что существует своего рода соревнование между православием и католичеством, одна церковь пытается выиграть у другой. Католическая церковь представляет латынь как сакральный язык. Русская церковь соответственно так же думает о церковнославянском, но при этом она хочет распространить это и на другие православные церкви – в Румынии, Сербии. По мнению некоторых церковных деятелей, мы должны переместить столицу из «второго Рима» – Константинополя в «третий Рим» – Москву и должны сохранить единый сакральный язык. Но нам в Румынии не нравится эта точка зрения. Мы бы не хотели иметь у себя греческий язык, т.к. в свое время мы тоже пострадали от греческого влияния – наша церковь была под Константинополем. Но мы не поддерживаем и идею о славянском языке, потому что у нас латинские корни. Мы не можем использовать латынь, потому что не можем стать католиками. Но мы не можем принять и славянский. В богослужениях мы употребляем наш родной язык, и история показывает, что это правильное решение, т.к. в остальных церквях верующих почти не осталось.

«Кифа»: Не могли бы Вы назвать дату, когда в Румынии начали служить на румынском?

О. Иоанн: С 1644 г. румынский язык звучит в проповедях и чтении Евангелия. Богослужебные книги на румынском появились здесь в 1843 г.

«Кифа»: Кто авторы этих переводов?

О. Иоанн: Мы не знаем авторов. Переводы делались в разных частях страны. Библия на румынском появилась в 1688 г. Поэтому невозможно говорить о какой-то официальной дате.

«Кифа»: Приходы стали переходить на румынский?

О. Иоанн: До 1700 года люди уже точно служили на румынском.

«Кифа»: Это самостийно произошло?

О. Иоанн: Да. Это делали священники.

«Кифа»: У нас есть решение собора, и мы все равно не можем этого сделать. Но тем не менее некоторые архиереи и священники занимаются переводом богослужения и публикуют свои переводы. У отца Георгия Кочеткова, духовного почитателя нашего братства, сейчас уже есть переводы всего комплекса богослужебных текстов.

О. Иоанн: Нравятся ли людям эти переводы?

«Кифа»: В основном да. Критические замечания учтываются. Уже есть несколько вариантов – четыре редакции. В обсуждении этих переводов включено много людей.

О. Иоанн: Мы тоже до сих пор обновляем переводы, каждое писание, с точки зрения литературы. У нас есть комиссия в Яссах, в рамках которой проверяется каждая книга и все новые издания.

Продолжайте работу о. Георгия. В какой-то момент церковь поймет, что это правильно. Это не догматическая ошибка, мы не делаем никаких ошибок в научении. Догматические ошибки ведут к разделению внутри церкви, но в данном случае это не ошибка. Это ваша миссия, и вы победите.

Но вы должны быть очень осторожны, и о. Георгий должен быть очень осторожен, чтобы не было никаких догматических отклонений. Вы должны воспринять этот опыт как тот, который не потерпел неудачи. Церковь сохранила свой авторитет. Это опыт истории. Если вы не будете знать историю и извлекать уроки из истории, то не увидите важнейших вещей, которые пронизывают всю историю. Иначе люди будут по-прежнему отделены от священства, которое молится на непонятном языке, и молодежь очень скоро устанет от этого.

Будьте мужественны, вы должны победить. Потому что если вы не выйдете к большому людям, больные люди передадут вам свои болезни.

15 апреля 2007 г. Румыния, Нямецкий монастырь.

Вопросы задавала Светлана Чуклавина и Максим Дементьев.

Редакция благодарит Елену-Алину Патракову за помощь в подготовке материала для авторизации

В Стамбуле прошла

II Международная конференция православной молодежи «Члены церкви – граждане мира» («Members of the Church – Citizens of the World»)

Конференция, организованная Константинопольским патриархатом, проходила с 11 по 16 июля. Впервые подобный форум проводился в Стамбуле в 2000 г. В конференции принимали участие около 1000 представителей всех епархий Константинопольского патриархата, насельники мужских и женских монастырей, представители христианских церквей и конфессий, преподаватели и студенты богословских институтов, академий, семинарий, члены международных церковных организаций. Русскую православную церковь представляла делегация в составе преподавателей и студентов духовных школ и сотрудников ОВЦС. В составе делегации всемирного братства православной молодежи Синдесмос в конференции принимала участие декан богословского факультета Свято-Филаретовского православно-христианского института Зоя Дашевская, представлявшая СФИ и Преображенское сотрудничество малых православных братств.

Участников форума приветствовал патриарх Варфоломей. В своем выступлении он обратился к участникам конференции со словами: «Ныне великое поручение Спасителя «Идите, научите все народы» лежит на плечах молодых людей». С докладами выступили митрополит Сасимский Геннадий, архиепископ Критский Ириней, ректор экumenического богословского института в Bossey (Швейцария) проф.-прот. Иоанн Соика и многие другие. Архиепископ Ириней призвал молодежь к активному участию в делах своих диоцезов и к помощи своим епископам и пастырям, даже если те консервативны и не всегда открыты к диалогу. Прот. Иоанн Соика отметил опасность фундаментализма, исходящую от неопитов, имеющих за плечами коммунистическое прошлое, а также указал на необходимость быть открытыми к людям, только входящим в церковь, и не навязывать им своих привычек, чтобы не превратить для них церковь в «мирительную рубашку».

Выступавшие касались проблем жизни христианской молодежи в современном мире, вопросов духовного образования молодых людей, их участия в экumenическом движении. Острую дискуссию вызвали вопросы семьи и брака и сексуальной жизни молодежи. Обсуждение показало, что современные требования толерантности зачастую вытесняют в сознании верующих верность заповедям Божиим. С другой стороны, вызовы времени побуждают к поиску живого свидетельства об опыте жизни в церкви, без морализаторства и попыток регламентировать все стороны жизни христианина. На конференции также обсуждались вопросы отношения христианской молодежи к глобализации, охране окружающей среды, использованию современных средств коммуникации, а также проблемы насилия в среде молодежи из «группы риска».

Участники форума посетили христианские святыни Константинополя и православную богословскую семинарию на о. Халки, закрытую турецким правительством в 1971 году. В воскресный день в патриаршем храме на Фараре была отслужена литургия.

Форум проходил в непростых для Вселенского патриархата условиях давления со стороны турецких властей. В частности, в дни конференции прошла демонстрация против многочисленного присутствия в Стамбуле христиан, собравшихся на молодежный христианский форум; а известному греческому певцу Георгиосу Даларасу, который должен был выступить перед участниками конференции, было отказано во въездной визе.

Митрополит Гонконгский Никита призывает власти Китая предоставить православии официальный статус

Митрополит Гонконга и Юго-Восточной Азии Никита (Луллас) призвал власти Китая обеспечить полную свободу для всех религий, представленных в стране, и выразил свою обеспокоенность тяжелым положением христиан в Азии, передает агентство AsiaNews.

В интервью католическому еженедельнику митрополит Никита, представляющий в КНР Константинопольский Патриархат, выразил свое несогласие с позицией китайского правительства, не включающего Православие в число пяти «официальных» религий страны (та-

ковыми признаются католицизм, протестантизм, ислам, буддизм и даосизм).

«Это тем более прискорбно, если принять во внимание перемены, происходящие в Китае, стране с высокими темпами развития», – отметил митрополит. – Религии должны пользоваться полной свободой, ибо экономический рост должен сопровождаться реальными социальными изменениями».

Иерарх сообщил, что во многих странах, окормляемых Гонконгской митрополией, христиане переживают немалые трудности. «Все чаще христиане становятся жертвами фанатизма и необоснованной ненависти. Мы должны молиться, чтобы как можно быстрее условия их жизни улучшились», – подчеркнул митрополит Никита.

Собор Японской Автономной Православной Церкви состоялся в Токио

На Соборе были оглашены статистические данные. На сегодняшний день Японская Автономная Православная Церковь насчитывает 10006 постоянных прихожан-японцев (9921 в прошлом году), за год было совершено 190 крещений (166 в прошлом году). Кроме того, храмы Японской Церкви посещают проживающие в Японии иностранцы православного вероисповедания – русские, сербы, румыны, греки, американцы. В Японской Автономной Православной Церкви проходят служение 2 архиерея, 23 священника и 12 диаконов.

Участники собора заслушали доклад Издательско-проповеднического отдела, который представил новые книги и брошюры для вступающих в Церковь, а также книгу о таинствах Церкви для детей. В связи с предстоящими празднованиями памятных дат, связанных с жизнью свт. Николая, обсуждалась концепция реконструкции комплекса построек Воскресенского собора (Николай-до): строительство нового зала церковных собраний, церковно-исторического музея, библиотеки.

Участникам собора было представлено девяти томное издание дневников святого равноапостольного Николая на японском языке, осуществленное профессором Накамурой Канноске при поддержке Японского фонда (The Nippon Foundation).

Лишенный сана клирик Латвийский Православной Церкви обжаловал решение духовного суда в суде светском

Решением духовного суда Латвийской православной церкви от 27 июня 2007 года клирик рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря протоиерей Янис Калинишс лишен сана. В качестве причины такого кардинального решения заявлено систематическое нарушение тайны исповеди, а также многочисленные нарушения канонов и грубое нарушение священнической присяги. В иске, поданном Калинишсом в суд Центрального района Риги, он указал, что ему неизвестны причины, согласно которым он был лишен священного сана. По его мнению, аргументом для такого решения могло стать издание им книги «Комментарии к истории Латвийской православной церкви», в которых он указывал, в частности, что у латышей «должно быть свое место под солнцем», чтобы сохранялись сельские латышские приходы и др.

Латвийская церковь отказалась предоставить Калинишсу решение о лишении сана, а также ознакомить его с протоколом заседания духовного суда, составивших на внутренний распорядок.

Иск Яниса Калинишса был принят в суде 31 июля, по этому факту начато гражданское дело. И.о. главы Управления по делам религии Екатерина Мауц пояснила, что в Латвии церковь отделена от государства, а все решения, принятые духовным судом, могут быть оспорены лишь в части трудового договора, поскольку государство не имеет права вмешиваться в подобные дела.

«Если в трудовом договоре между священником и работодателем (церковью) имелись какие-либо процессуальные нарушения, в этом случае суд может принять определенное решение. Однако оно может быть вынесено лишь в форме предупреждения, поскольку мирские суды подобными вопросами не занимаются», – пояснила Мауц.

«Духовный суд Латвийской православной церкви принял свое решение, и свое решение он никак не комментирует», – пояснила позицию ответчика пресс-секретарь Латвийской православной церкви Оксана Дементьева.

С 20 ПО 30 ИЮЛЯ В ПОДМОСКОВЬЕ ПРОШЕЛ ДЕТСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ ЛАГЕРЬ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ БРАТСТВ

В нем участвовало более 700 человек, половину из которых составляли дети и молодежь до 20 лет, а вторую половину — взрослые члены Содружества: родители и те, кто принял как свою личную задачу разрешение проблемы совместной христианской жизни разных поколений. Именно эта жизнь — общая молитва, труд, игры, беседы в течение 10 дней — стала центром собора и вывела его далеко за рамки привычной «детско-молодежной работы».

Ежедневно все дети и взрослые собирались на общую молитву, важной частью которой была проповедь, обращенная прежде всего к детям. Особо значимым элементом этой молитвы были включенные в чин свободные прошения участвовавших в ней, вплоть до самых маленьких.

Время до обеда отводилось на совместный труд взрослых и детей. Его плодами были: крестильные рубашки, несколько аналоев, декоративные коврики и керамика, множество детских рисунков и др. Вторая половина дня отводилась на возрастные программы: художественные мастерские — для младших, тематические встречи — для молодежи. Более 60 юношей и

девушек с несколькими руководителями ездили на место Бородинского сражения, посетив и расположенный там Спасо-Бородинский монастырь.

Состоялись вечера, посвященные теме земного и небесного Отечества, поэзии Александра Величанского, стихам русских, английских и японских поэтов прошлого. На итоговом фестивале было показано 6 спектаклей, от древнегреческой трагедии и театра «Кабуки» до «Телефона» К. Чуковского и «Пира во время чумы» А. Пушкина, поставленных общими силами детей и взрослых. Свободное время многие участники лагеря проводили на футбольном поле, волейбольной и баскетбольной площадках. Было выпущено несколько стенгазет, ежедневно выходил информационный листок «Один день».

За время собора духовный попечитель Содружества проф.-свщ. Георгий Кочетков встретился со всеми возрастными группами детей и молодежи. Встречи проходили в форме свободной беседы с взаимными вопросами и ответами на жизненно важные, подчас очень острые, темы.

Совместная жизнь в эти дни позволила разрешить некоторые традиционные проблемы «отцов и детей». Но она же в боль-

шой степени обнажила основную проблему — воцерковления семьи как таковой, поскольку лишь духовно-целостная жизнь родителей и их постоянное служение Богу и Церкви, а не отдельные детско-молодежные программы, являются основой для подлинного воцерковления детей.

В СФИ ПРОШЛА ЗАЩИТА МАГИСТЕРСКОЙ И БАКАЛАВРСКИХ РАБОТ

25 июня в Свято-Филаретовском институте состоялась защита магистерской работы к.ю.н. Ирины Борщ на тему «Русская наука церковного права в первой половине XX в.: поиск методологии».

Официальными рецензентами работы стали доктор канонического права прот. Николай Макарь и старший научный сотрудник ИРИ РАН, к.и.н. Е.В. Белякова. С отзывом на защиту выступил главный научный сотрудник Института философии РАН проф. О.И. Генисарский, также свои отзывы на работу представили директор Института экumenических исследований (Львов-Париж), д.и.н., проф. А. Аржаковский, заведующий кафедрой Истории государства и права Московской государственной юридической академии, д.ю.н., проф. И.А. Исаяев, к.филос.н. В.Г. Марач.

После обстоятельной и интересной дискуссии ученый совет СФИ единогласно присвоил соискателю И.В. Борщ исковую степень магистра теологии.

27 июня 2007 г. в СФИ состоялась еще четыре защиты: на соискание степени бакалавра богословия были представлено четыре работы.

Бакалаврская работа канд. соц. н. Анны Алиевой «Образ христианства и церкви в сознании современных россиян, определяющий цели и задачи христианской миссии в России сегодня» была

подготовлена на кафедре миссиологии, катехетики и гомилетики. Подобное исследование в церкви было предпринято впервые и удачно соединило в себе как содержательный церковный запрос к социологам, так и церковный анализ полученных данных. А.Б. Алиевой удалось, используя данные профессиональных социологических исследований, показать основные характеристики образов христианства и церкви, а также динамику их формирования в массовом сознании современного российского общества. В работе автором указан ряд серьезных искажений: отсутствие в образе христианства представлений о Едином Боге и Христе, преобладание в нем магической и национально-идеологической составляющей и др. В работе подчеркивалось, что причина таких искажений зачастую лежит в деятельности (а в миссионерской области — в бездеятельности) самой церкви.

Три из четырех работ были посвящены такому сложному и неоднозначному периоду в истории РПЦ, как первая половина XX века, причем две — работы Ирины Яблочковой и Анны Ксандопуло — анализу взаимоотношений государства и церкви.

Работа И.В. Яблочковой посвящена тем трудам протоиерея Сергея Булгакова на тему церковно-государственных

отношений, которые легли в основу ключевых определений Собора 1917-1918 гг. В выдвинутой на защиту работе были проанализированы этапы эволюции идей С.Н. Булгакова и сделана попытка поставить вопрос о преемстве взглядов на государственно-церковные отношения участников Собора 1917-1918 гг. и авторов современных основ социальной концепции Русской православной церкви, принятых в 2000 г.

В работе А.В. Ксандопуло рассматривается проблема реализации политики советской власти по отношению к Русской православной церкви на региональном уровне. На примере Тульской области автор показал, какими были внутренние механизмы принятия государственных структурами решений, касающихся церкви.

Бакалаврская работа Ольги Баевой посвящена описанию и анализу жизни и деятельности одного из активных участников движения церковного обновления начала XX в., первого единоверческого епископа, избранного Собором 1917-1918 гг. О.А. Баева анализирует деятельность схзм. Симона (Шлеева) в сложном контексте движения за обновление церковного общероссийского в России начала XX в., уроки которого более чем важны и злободневны для Русской православной церкви спустя почти столетие.

Игумен Кирилл (Сахаров) исключен из рядов Союза православных братств

Союз православных братств принял решение исключить из своего состава настоятеля храма Святителя Николая на Берсеневке игумена Кирилла (Сахарова), обвинив его в попытке переворота в руководстве этой организации.

«Игумен Кирилл и иерей Павел Поляев приняли решение сместить законного главу Союза православных братств своими двумя голосами, что абсолютно самочинно и аморально», — заявил 6 августа координатор Союза православных братств Юрий Агешев. Он сообщил, что решение Союза было принято на его недавнем внеочередном заседании большинством голосов. Союз также постановил назначить на должность своего духовника священника Сергея Зинченко, клирика Самарской епархии.

По словам Ю. Агешева, поводом к смещению отца Кирилла, который исполнял обязанности ответственного секретаря, послужило опубликованное с его благословения на сайте публициста Михаила Назарова и подписанное священником Павлом Повалевым заявление, в котором, в частности, утверждалось, что председатель Союза православных братств Леонид Симонович-Никшич из-за серьезного заболевания «не может реально осуществлять руководство». Авторы заявления также предложили на эту должность другую кандидатуру.

«Суть наших разногласий с игуменом Кириллом сводится к следующему: мы считаем недопустимым его общение как настоятеля центрального храма Москвы с Назаровым, который повсюду оскорбляет нашу Церковь, считая ее безблагодатной», — отметил Агешев. Он подчеркнул, что позиция отца Кирилла является также, «по сути, поддержкой революционной линии епископа Диомида».

Ранее М. Назаров признал, что именно он предал широкой огласке так называемое обращение епископа Анадырского и Чукотского Диомида, которое вызвало скандал. В ответ на это заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин заявил, что за шумихой вокруг этого «обращения» стоит Михаил Назаров и главный редактор «Русь Православная» Константин Душенов, которых он обвинил в попытке захвата власти в Церкви.

Как отметил Ю. Агешев, недавно отец Кирилл в своем храме «тайно встречался» с М. Назаровым. «Теперь попытка революционного переворота в Союзе православных братств ликвидирована», — заключил Агешев.

По материалам информационного агентства «Интерфакс»

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 10-ЛЕТИЮ ЗАКОНА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ, ПРОШЛА В СПБХУ

22-23 июня в Петербурге, в стенах Санкт-Петербургского Христианского Университета (СПбХУ), состоялась V международная научно-практическая конференция «Защита прав граждан на свободу совести и вероисповедания — сфера взаимной ответственности государства и общества», посвященная 10-летию принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Организаторами форума выступили СПбХУ, Отдел по защите свободы совести аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ и Христианский культурный центр при поддержке ряда российских и зарубежных научно-образовательных и общественных организаций.

Участники конференции приветствовали почетных гостей: президент Евроазиатского отделения Международной ассоциации религиозной свободы (МАРС), член попечительского совета СФИ, профессор Анатолий Андреевич Кривонос и начальник отдела по взаимодействию с общественными и религиозными объединениями Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства РФ Андрей Евгеньевич Себенцов. Было зачитано приветственное письмо полномочного представителя Президента РФ по Северо-Западному федеральному округу И.И. Клебанова.

С развернутым докладом «Право на свободу совести после социализма» выступил А. Е. Себенцов. Он отметил, что история

реализации права на свободу совести в России насчитывает в общей сложности лишь несколько десятилетий. Поэтому принятый в 90-м либеральный закон не соответствовал российской правовой традиции. Это несоответствие вызвало резкую реакцию: к закону стали требовать таких корректив, которые «могли перекрыть всякую религиозную свободу». Закон 1997 года, по мнению Себенцова, уравнивал либеральные и консервативные тенденции.

В заключение своего выступления Себенцов высказался за целесообразность создания государственного органа, координирующего религиозную политику. Это заявление было поддержано большинством участников конференции.

В первый день работы основное время было уделено дискуссии по вопросам государственной религиозной политики, а также международной и российской судебной практики по делам о защите прав верующих и религиозных организаций. Выступили известные адвокаты А.В. Пчелинцев, В.В. Рыховский, Г.А. Крылова, Л.С. Симкин и ученые-эксперты в этой области А.М. Верховский, проф. А.И. Артемьев (Казахстан), проф. Дурм Кол (США).

Второй день работы конференции был в основном посвящен вопросам религиозного образования и сотрудничества исследователей религий, придерживающихся различных убеждений.

Главным образом, о проблеме преподавания Основ православной культуры в

школе говорила представитель министерства образования РФ Е.Г. Романова. В настоящее время закон допускает преподавание этого предмета в рамках так называемого «регионального компонента образования» (существующего наряду с «федеральным» и «местным» компонентами). Этим правом в полной мере воспользовались в некоторых регионах. Оспорить эту практику, даже при однозначно отрицательном отношении министра, с точки зрения закона затруднительно, т.к. она целиком находится внутри правового поля.

Известный религиовед Н.В. Шабуров (РГГУ, Москва) выступил против отождествления неконфессиональной точки зрения с атеистической. Характерной особенностью неконфессиональной позиции, по мнению ученого, является не атеизм, а стремление к объективности. А поборники преподавания религии в школе, например, в виде ОПК, по мнению Шабурова, даже не стремятся к объективности, т.к. теология по определению конфессиональна, «нет, и не может быть светской теологией». Таким образом, считает ученый, практика преподавания ОПК в средней школе противоречит самой идее гражданского общества. В качестве примера сотрудничества стремящихся к объективности ученых различных убеждений докладчик привел возглавляемый им Центр исследования религий при РГГУ.

Тему сотрудничества верующих и неверующих исследователей религии под-

держал профессор М.Г. Писманик (Пермь). По его мнению, «более глубокое познание религии ведет к союзу с богословами». Однако, «соседи по познанию не должны быть привратниками друг у друга». Профессор Писманик призвал коллег-религиоведов серьезно относиться к религиозному опыту, которому не чуждо большинство богословов и некоторые религиоведы. «Святое», с точки зрения профессора, не есть «ничто», а есть «нечто». Это «виртуальная» реальность, ускользающая от описания рациональным языком. Язык науки о религии требует уточнения.

В заключение, подводя итоги 2-х дней работы, участники конференции с удовлетворением отметили широту охвата предложенной темы. В процессе работы форума действующий Федеральный закон о свободе совести и практика его применения были проанализированы с разных сторон, в том числе в сравнении с иностранными аналогами. Выгодными особенностями конференции были ее представительность и научно-практический характер. Результаты глубоких теоретических изысканий, предложенные учеными, удачно сочетались с компетентными выступлениями специалистов-практиков, представлявших как органы государственной власти (федеральные и региональные), так и независимые общественные и научные организации.

Александр БУРОВ

Говорят участники собора

Таня, 12 лет, братство во имя свт. Тихона Задонского
— То, что ты ожидала и что увидела в лагере, — одно и то же или как-то расходится?

— Я в таком лагере никогда не была, я в первый раз в таком лагере. Я даже не представляла, что здесь будет. Но мне казалось, что будет легче. В принципе, я ожидала, что здесь будет общение и мне будет легко общаться с другими. Со всеми — со взрослыми, с совсем маленькими было легко общаться.

— А что было трудно?

— Такого, наверное, не было.

— А ты хотела бы, чтобы еще раз такой лагерь был?

— Да, очень.

— Что самое яркое из того, что здесь было, то, что ты хотела бы рассказать тем, кто здесь не был?

— Я бы, наверное, рассказала все. Каждый день я запомнила. Т.е. могла бы рассказать, если им будет интересно. Но очень часто меня не понимают, когда я говорю о вещах, связанных с верой.

Федор, 8 лет, братство во имя свт. Тихона Задонского
— Скажи об этом лагере — чего ты не ожидал, когда ехал сюда?

— Я не ожидал, что буду мастерить.

— Тебе это понравилось?

— Да.

— А ты хотел бы, чтобы еще раз такой лагерь был?

— Да.

— А что тебе не понравилось — были такие вещи? Что-нибудь было трудно?

— Трудное? Ну, задания выдают трудные — сделать, слепить, нарисовать что-нибудь трудное.

— А общаться с другими детьми или взрослыми трудно было или нет?

— Нет, легко.

— А с новыми друзьями, с кем-нибудь познакомился?

— Познакомился.

Саша, 13 лет, Боголюбское братство

— Что тебе понравилось в лагере?

— Что можно ложиться в 11 часов.

— А если бы можно было ложиться в 12 часов, был бы еще лучше лагерь?

— Да.

— А что было трудно?

— Пережить тихий час, потому что скучно очень.

— Чего тебе не хватало в лагере?

— Что в нашем подлагере не проводилась игра в «тайного друга».

— Тебе удавалось общаться со взрослыми, детьми, разговаривать о чем-то или это было трудно?

— Ну да, удавалось, конечно.

— Тебе это понравилось?

— Да, если, конечно, тебя не ругают.

— А если бы такой лагерь еще раз был, ты бы приехал в него?

— Конечно, приехал бы. Вообще лагерь каждый раз для меня что-то значит.

Влад, 9 лет, Свято-Сергиевское братство

— Скажи, тебе понравилось в этом лагере?

— Да.

— Если бы еще раз был такой лагерь, ты бы приехал?

— Да.

— А что тебе больше всего понравилось?

— Мне нравилось то, чему нас учили — поделки делать.

— А было ли что-нибудь трудное?

— Не было.

— А режим дня, вставать, потом на молитву — это трудно?

— Нет.

— Ты бы хотел, чтобы в такой лагерь приехали те, кто в этот раз в нем не был?

— Да.

— А почему? А что здесь было главное?

— Главное здесь было послушание.

— А что это такое?

— Это слушаться с первого раза, когда тебе что-то говорят.

МЫ ХОТЕЛИ ПОСМОТРЕТЬ, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ОБЩАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ

Интервью духовного попечителя Преображенского содружества свящ. Георгия Кочеткова

— *Выезд за город — одна из самых распространенных форм работы с детьми и молодежью. На любом более или менее живом приходе проводятся летние лагеря, да и в рамках нашего Содружества более 15 лет практиковались самые разные формы таких совместных поездок. В чем отличие и даже, как считают некоторые, уникальность прошедшего недавно детско-молодежного лагеря?*

— Прежде всего, он был специально организован как лагерь, предполагающий участие и взрослых, и детей. Не только дети всех возрастов, не только их родители, но все, заинтересованные в том, чтобы жить вместе, одной духовной семьей с молодежью и с детьми, разделяя все трудности семейной жизни и в то же время духовной жизни, могли участвовать в этом лагере. Другой особенностью было то, что приглашались только члены Содружества. Раньше мы считали это неприципиальным для детского лагеря: член братства или не член братства, человек воцерковленный или невоцерковленный, — было все равно: кто придет, тот и придет. Сейчас мы хотели немного ограничить численность лагеря (она и так получилась немалая — более 700 человек, половина взрослых, половина детей и молодежи), и, чтобы он не расплылся до безбрежного масштаба, приглашали только тех, за кого мы чувствуем особую ответственность. Это самое главное. И, наконец, это не был лагерь по какому-то одному направлению — скаутскому, или семейному, или по линии воскресной школы. Это был общий лагерь с совершенно особенной, разработанной специально для него программой, с уникальными особенностями утренней и вечерней молитвы, с расписанием, предполагающим большую возможность творческого подхода к тому, что рекомендовалось делать во все часы каждого дня этого собора. Мы хотели посмотреть, что же такое общая христианская жизнь — вместе с семьями, с детьми, с молодежью. Мы не стремились организовать эту жизнь по обычному возрастному принципу. Были, конечно, каждый день встречи и по возрастам, но были встречи и по малым братствам. Было

сте прекрасный результат — большая часть детей, даже тех, у кого не было этих навыков, участвовала в общей молитве и общем труде, как потом в играх, послушаниях, во встречах, беседах, походах, поездках, т.е. во всем том, чем жил этот лагерь. Я считаю очень важным то, что дети включились в молитву, что они поняли: проповедь может звучать и для них, молитва может быть по-настоящему общей. Общая жизнь каждый день начиналась с этой молитвы, и этого опыта у них уже нельзя отнять. Никакие трудности жизни теперь не могут отнять такого опыта. Если только семья не будет сознательно противостоять ему, этот опыт сохранится и будет развиваться. И мы хотели бы уже потом, после лагеря, тоже продолжить эту работу, принимая, по мере созревания, необходимые решения.

— *Сейчас в братствах Преображенского содружества ставится очень сильный акцент на общей церковной жизни с детьми. Не может ли это оказаться некоторым увлечением, которое скоро пройдет? Я рискну сказать, что если в каких-то других направлениях церковной жизни в большей или меньшей степени возможны колебания, то начать общение с ребенком или молодым человеком, а потом прервать его или сильно уменьшить просто оттого, что что-то оказалось более важным, безразвратно и немислимо.*

— Мы рассуждаем точно так же, поэтому мы не подавали ни детям, ни молодежи, ни родителям никаких несбыточных надежд. Более того, мы говорили о том, что сама семья должна быть более церковной, менее индивидуалистически настроенной, чтобы не было «запараллеливания» семейной жизни, так же как и профессиональной жизни родителей, — и церковной, братской, общинной жизни. Мы говорили о том, как согласовать все эти стороны жизни и искали для этого какие-то формы. Мы не принимали никаких окончательных решений, специально думая лишь о тех тенденциях, которые должны сопровождать такую совместную жизнь. Мы не спешили с утверждением новых форм. Ведь много хорошего было сделано прежде, почти за 20 лет нашей детской работы — накоплен огромный и ценнейший опыт разных праздников, встреч, лагерей и т.п. Да, он имел и свои недостатки, но мы их давно уже осознали, сформулировали и искали теперь выход из всех этих трудностей. Может быть, лагерь потому и стал столь уникальным, что он был очень открытым ко всем проблемам, ко всем реальностям. Все было очень хорошо видно — и плохое, и хорошее; каждый ребенок, молодой человек, каждый взрослый человек во всех измерениях своей жизни был как на ладони. Это было замечательно — потому что никто, с одной стороны, не чувствовал себя как бы под прищелом, под микроскопом, а с другой — никто не чувствовал себя покинутым, забытым или неузнанным. И это было очень вдохновляюще для всех присутствующих, даже тех, кто по каким-то причинам не смог быть все дни работы лагеря.

То, что центром христианского воспитания и образования является семья, во всяком случае, до молодежного возраста — это один из принципов нашей детско-молодежной работы, принятый в последние годы. Только у молодых людей (начиная с шестнадцати лет) этот принцип работает уже не в чистом виде, а лишь частично и не во всех случаях. А вот до шестнадцати лет — нам было очень важно это понять — семья может и должна являться опорой. Конечно,

и свободное время, было и специальное время для совместных послушаний детей и взрослых. Было время для богослужений, было место и для какой-то элементарной аскезы (начиная со школьного возраста мы предлагали, например, со участникам лагеря двухразовое питание, что вызвало большой энтузиазм и признание; только для дошкольников мы считали нужным иметь завтрак).

Для многих оказалось очень важным, что богослужение предполагало возможность участия в нем детей, молодежи, когда, например, на сугубой ектеньях дети и молодежь, так же как и некоторые взрослые, могли вставить по одному прошению, начиная с обычной формулы «еще мы молимся о том-то и о том-то». Молитва Неполовского Крестовоздвиженского братства, рассчитанная специально на детей, живая, прекрасная молитва, замечательно завершала такую ектенью. Так небольшое литургическое творчество и в то же время традиционность дали вме-

уже с переходного возраста подростки должны иметь свое мнение, которое взрослым нужно уважать, они должны обрести какую-то самостоятельность, но это все еще лишь очень частично присутствует в реальной жизни. Нас, конечно, беспокоил вопрос, как преодолеть индивидуализм семейной жизни или пренебрежительность семьи по отношению к церкви, к общине, к братству, к своим друзьям, к тем, кто рядом, к близким и ближним.

— В то же время, насколько мне известно, среди старших был очень серьезный разговор не только о проблемах семьи, но и о другой стороне вопроса — о том, что сама по себе семья являет некоторую тайну и нужна очень большая бережность, когда мы говорим о каких-то вещах, связанных с ее жизнью.

— Конечно, мы хорошо понимаем, что тайна общины, тайна Церкви, тайна братской жизни — это один порядок вещей. Но тайна семьи, тайна жизни в культуре, в обществе, в государстве, в конце концов, — это тоже важнейшие измерения жизни человека, начиная уже с довольно раннего возраста. Мы не хотели нивелировать специфику жизни во всех этих сферах, мы как раз хотели лучше согласовать их, но не переносить легкомысленно принцип жизни семьи по плоти на принцип жизни семьи по духу или наоборот. Потому и было интересно и замечательно жить в этом лагере, что это единство жизни во всем его многообразии присутствовало без какого-либо давления, без идеологических призывов, без стилизации под какие-то псевдоправославные или просто православные, но, может быть, уже ушедшие из жизни, формы воспитания и существования христианских семей. Мы понимали, что это вопросы не догматические, что здесь могут быть разнообразные точки зрения. Я помню один разговор, в котором это проявилось очень ярко, когда один, например, говорили о том, что семья должна быть строго иерархически организованной (это были в основном братья), а некоторые сестры утверждали, что семья должна существовать исключительно на принципах равенства и никакой иерархии в ней быть не должно. И это не вызывало напряжения. Меня порадовало, что даже такие, кажется, противоположные позиции никого не озлобляли, не обижали, не перенапрягали, не вызвали отчуждения. Вот это было замечательно. Было доверие, была открытость. Мне очень понравилась сама молодежь. Их было не так много, может быть, человек тридцать пять — сорок от 16 до 20 лет, но они, при разном церковном опыте, жизненном опыте, при разных интенциях, способностях были очень заинтересованы в том, что происходит. И все находило свое место. Удивительно — не только молодежь, но и дети находили свое место. Иногда дети, которые долгое время не могли найти свое место ни в семье, ни в школе, ни во дворе — нигде, вдруг чувствовали себя нормальными людьми, к которым относятся всерьез, с любовью, доброжелательно, которых готовы выслушать, с которыми готовы общаться. Никто ни над кем не господствовал, ни в детско-молодежной среде, ни в среде взрослых.

Некоторые вначале приезжали в этот лагерь с уже готовыми представлениями и ждали, что будет просто повторение того, что было прежде. Ну, скажем, некоторые думали, что скоро все это превратится в очередной скаутский лагерь. Но когда они понимали, что это некоторый шаг вперед, то большинство людей вдохновляло (некоторых, впрочем, оставляло в недоумении, но это тоже нормально).

— И еще один вопрос, может быть, даже не вопрос, а реплика. Вы говорили о том, что никто не держался за псевдоправославную форму, вообще за форму и букву, господствующую над духом. Хочу сказать, что меня

поразила очень тонко соблюденная мера в совместных молитвах с детьми. Ни разу я не видела никакого уклонения ни в рационализм, ни в какой-то ложный харизматизм — все было настолько традиционно, при том литургическом творчестве, о котором Вы уже говорили, что возникало чувство какой-то гармонии и мира. Как этого удалось, на Ваш взгляд, достичь?

— Это всегда немного чудо. Я думаю, что правильное сочетание традиции и открытости к действию Духа всегда дает такой результат — а именно, некое чудо. Я даже говорил некоторым людям: «Если вы хотите увидеть настоящее чудо, приезжайте сюда, к нам, на детско-молодежный собор, и вы его увидите». Потому что то, о чем вы говорите, не может быть рассчитано рационально. Это просто получается — или не получается. В данном случае получилось, за что слава Богу. И мы надеемся, что это войдет в традицию и будет использовано дальше. То, что нам пришлось немного менять антифоны, одни псалмы заменять другими или использовать канонарха, или, скажем, ектенью произносить лицом к народу, по очереди с другим батюшкой, — все это удивительно согрело молитву и сделало ее живой. Многие говорили: «Мы никогда так не молились», многие из детей и из молодых людей никогда в храме ничего подобного не переживали. Они не могли раньше найти себя в церковной молитве. И дело не только в русском языке богослужения. Он не «выпирал», он не был идеологемой, он был вполне естественным, просто иначе молиться совместно с детьми и молодежью, как, впрочем, и со многими взрослыми людьми — при всей нашей любви к традиционным формам — не получается, не выходит.

В том, что произошло, было очень много традиционного — традиционного как для нашего Содружества, так и для всей церкви. С другой стороны, было действительно много нового. Была найдена какая-то мера во всем. Семья осталась семьей, община и братство остались также самими собой, но вот эта прозрачность, единство жизни были совершенно уникальными. Всегда бывает видно, когда что-то совершается людям во благо и быстро меняет жизнь, а когда этого нет. И то, что здесь все действительно сложилось — это было удивительно.

— Какими, на Ваш взгляд, были главные цели этого детского лагеря-собора и каковы могут быть его плоды в нашей общей жизни?

— Я считаю, что границы этого лагеря до самого его конца так и не определились. Несмотря на колоссальные дары — просто чудом из чудес был этот собор — для меня представляет некоторую ценность то, что вопрос о его целях не закрыт до сих пор, что он до сих пор не имеет ответа. Это заставляет нас просто двигаться дальше. И без этого продвижения, как многие уже поняли, не будет полноты в самом этом событии. Как бы мы ни радовались, как бы ни веселились в его дни — сегодня все может уйти, забиться, стертись, перемешаться, перепутаться.

Так что о плодах говорить рано. Но можно говорить о дарах, которые должны и могут быть плодотворны. Даров было очень много, это действительно «десять коробов после пяти хлебов». В принципе все, что происходило в дни собора, где-то как-то когда-то уже было задумано, исполнено, обсуждено. Но это не было раньше достоянием всего братства, это не было жизнью, нашим дыханием.

— И теперь нужно этими хлебами накормить тех, кто не поехал?

— Всех! И тех, кто поехал, потому что они еще не все насытились. И тем более тех, кто не поехал. А потом еще тех, кто вокруг нас — друзей, товарищей и близких наших.

Говорят участники собора

Маша, 13 лет, братство во имя Новомучеников

— Тебе понравился лагерь?
— Да.
— Ты бы приехала, если бы такой лагерь еще раз был?
— Конечно.
— А почему? Что тут тебе больше всего понравилось?
— Ну просто тут интересно, тут много народу есть, с кем пообщаться. Много всего интересного и нового происходит.
— А что было трудно и что не понравилось?
— Не понравилось, что некоторые послушания были бессмысленными, а трудного не было ничего.
— А что такое послушание?
— Послушание — это когда тебе говорят, и ты делаешь, но иногда это бывает полный идиотизм.
— Они говорят тебе делать что-то плохое?
— Нет, просто скучное, нудное и бесполезное.
— Ты хотела бы кому-нибудь сказать спасибо за этот лагерь?
— Да, оргкомитету.
— По-честному?
— Да. И всем взрослым.

Илья, 11 лет, Боголюбское братство

— Скажи, что тебе в этом лагере было труднее всего?
— Наверное, труднее всего было найти новых друзей, т.к. меня сначала часто обзывали, а потом стали лучше относиться.
— Так ты нашел новых друзей?
— Да, нашел.
— А что тебе больше всего понравилось?
— Больше всего понравился поход.
— А если бы еще раз такой лагерь был, ты бы поехал?
— Да, да, хотел бы.
— А режим, послушания — это было трудно?
— Для меня самое страшное — это подъем, потому что я спать люблю очень, иногда люблю поспать и ночью, и днем, особенно в последние дни.

— Кому бы ты хотел сказать спасибо за лагерь, раз он тебе понравился?
— Я сказал бы спасибо Владимиру Николаевичу Рыжикову из нашего братства.
— А что бы ты рассказал тем, кто не был в этом лагере? Что здесь было самое главное?
— То, что здесь было легче, чем в прошлом лагере, потому что здесь больше цивилизации. Хорошо, что больше свободного времени было. Правда, хочется больше походного режима. Скорее всего, я бы про спортивный день рассказал. Когда я устаю, я сразу чувствую себя мужчиной. Это плюс. Я разные игры узнал — интересные, все это было с песнями.
— А со взрослыми трудно было общаться или легко? Вы понимали друг друга?
— Совсем не трудно, мы друг друга свободно понимали, говорили и об их развлечениях, и о наших.
— А с родителями?
— Ну, с родителями — когда как.

Ксюша, 8 лет, Боголюбское братство

— Что тебе понравилось в этом лагере?
— Мне понравилось, что для детей придумали разные конкурсы и нам давали призы.
— А было ли что-нибудь, что было трудно в лагере?
— Не знаю.
— Если бы еще раз был такой лагерь, ты бы приехала?
— Да!
— Ты бы хотела, чтобы в такой лагерь приехали те, кто в этот раз в нем не был?
— Да.
— А для чего?
— Чтобы общаться друг с другом, потому что одному человеку жить скучно.

Продолжение на с. 6

Говорят участники собора

Продолжение. Начало на с. 4-5

Наташа, 11 лет, Христорождественское братство

- Тебе понравилось в лагере?
- Да!
- Что было трудно в лагере?
- Трудно не было. Мне одна вещь, наверное, не понравилась: во время спортивного дня мне не понравилась «пасть дракона», потому что мне там на голову кто-то сел. Там высовываешь голову в обруч и все теребят, а мне на голову кто-то сел. Я смеюсь, а мне больно. Все смеюсь-смеюсь.
- А «паутина» мне понравилась и «бабочка» тоже, и ходить по канату, и «мясорубка».
- А ты общалась с новыми людьми — со взрослыми, с детьми?
- Да.
- Это было тебе легко или трудно? Было ли интересно?
- Я больше общалась с детьми моего возраста. Было интересно, нормально.
- А если еще будет такой лагерь, ты приедешь в него?
- Да. Только хорошо было бы ехать поменьше, я имею в виду, побыстрее, потому что очень тяжело ехать.
- Когда ты поедешь в Москву...
- Я в Братский дом поеду.
- Ну ладно, там все равно будут дети, которые не были в лагере. Ты им будешь о чем-нибудь рассказывать? Что самое главное? Что им важно рассказать?
- Я бы им рассказала про программы по возрастам, про праздник и игры, ну вообще про все.
- А кому бы ты хотела сказать спасибо за то, что такой лагерь был?
- Всем.

Паша, 6 лет, Свято-Петровское братство

- Что тебе понравилось в лагере?
- Убираться.

Кира, 12 лет, Свято-Георгиевское братство

- Тебе понравился этот лагерь?
- Он еще не закончился.
- Но то, что до этого времени было?
- Да, очень сильно понравился.
- Если бы он еще раз был, ты бы приехала?
- Да, приехала.
- А было что-нибудь трудное?
- Трудно было найти команду в спортивный день, потому что были разные по возрасту мальчики и девочки.
- Что бы ты сделала, увидев своих друзей, которых не было в этом лагере?
- Я бы в следующий лагерь их потащила сюда.
- А если они скажут тебе: а зачем?
- Ну, здесь все люди настроены на нормальное общение, а не на издевательство или еще что-то. Здесь христианский лагерь, все пытаются соблюдать заповеди. А в общественном мире, если ты встретишь человека на улице, он может сделать тебе хорошее, плохое или вообще ничего не сделать.
- А режим дня — это было трудно?
- Ну, было иногда. Например, вчера после того, как убрала весь второй этаж, я пришла, свалилась на кровать и проспала всю оставшуюся часть послушания.
- А такого, про что ты могла бы сказать, что это плохо и этого не должно быть, такое было?
- Нет, не было. Мне бы хотелось, чтобы лагерь еще недели три продолжился.

Вопросы задавал Дмитрий Дорошко
Фото ко всем материалам с. 3-6 — Дмитрий Писарев

СЕГОДНЯ ОБЩЕСТВО ПОТЕРЯЛО ВСЯКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НЕ ТОЛЬКО О СВЯТЫНЕ, НО И О КОШУНСТВЕ

Интервью с деканом религиозного факультета
Свято-Филаретовского института М.В. Шилкиной

— *Маргарита Васильевна, скажите, пожалуйста, из чего родилась идея создания религиозного факультета?*

М.В. Шилкина: Эта идея для института не нова, на самом деле институт всегда ставил перед собой задачу служить не только возрождению Церкви, но и возрождению общества. Несколько лет назад отец Георгий Кочетков, ректор СФИ, предложил открыть на магистратуре курсы, связанные с проблемами общества. Так возник спецкурс по христианской политологии, затем мы открыли религиозную специализацию на третьем и четвертом курсах бакалавриата. И вот в сентябре 2005 г. открылся факультет дополнительного высшего образования по религиоведению как наш ответ на огромную потребность общества в религиозном образовании, в религиозных знаниях.

Сегодня невежество в этой области колоссально. Как христианин и церковный человек я понимаю, что трудно свидетельствовать о Христе в обществе, которое потеряло всякое представление не только о святине, но и о кошуnstве, вообще о границах, за которые человеку заходить не дозволено. Всякий человек, называет ли он себя верующим или неверующим, может почувствовать и осознать трепет встречи со священным и табу на прикосновение к скверне — и в мыслях, и в словах, и в делах. Если же этого нет, то, как говорил один из героев Достоевского, «все позволено». Тогда человек ломается и перестает быть человеком, тогда наступает национальная катастрофа, и возрождение народа из небытия становится невыполнимой задачей.

Наши преподаватели увидели на нескольких религиозных конференциях, что в российских университетах возрождается объективированное социологическое знание о религии, отвергающее религию как духовный опыт, и поняли, что задача создания нового религиоведения должна решаться теми, кто сам имеет такой духовный опыт и на его основе может говорить со взрослыми людьми об истории религий человечества.

— *Расскажите, в чем уникальность преподавания религиоведения в Свято-Филаретовском институте?*

М.В. Шилкина: Для нас принципиально важно, что мы любую религию рассматриваем как духовный опыт. Это дает возможность донести до студентов мысль, что духовная жизнь человека дает ему самую глубокую возможность входить в общение и диалог с людьми, иными, чем ты сам. Задача нашего факультета — помочь студентам стать более открытыми, более диалогичными, увидеть, с одной стороны, за каждой религиозной практикой ее духовную основу, а с другой стороны, — научиться различать внутреннее содержание религий при их внешнем сходстве. В жизни очень часто мы буквально «покупаемся» на сходство внешних обрядов, культовых действий, не знаем, что символический язык передачи внутреннего опыта за тысячи лет претерпел очень мало изменений. Популярная теория о том, что разные религии — это тропинки, ведущие на одну гору, — очень поверхностна и опасна, ибо на самом деле нередко они ведут на разные горы, и человек должен уметь выбрать свой путь. Только тогда можно стать всерьез свободным, когда выбираешь, зная, куда какая тропинка ведет, какой опыт поклонения своему божеству стоит за той или иной религией.

Наш факультет религиоведения возник в православном вузе, и мы не стилизуемся под светское учебное заведение, не стремимся показать, что для нас все религии одинаковы и равны, но мы ни в коем случае не позволяем себе ни прозелитизма, ни контрмиссии. Да, мы говорим о христианстве, говорим все 4 семестра, размышляя о его величайшей ценности, о тех дарах и плодах, которые оно принесло человечеству. Но мы видим и говорим студентам о том, что историческое христианство знает и многочисленные падения. Нам кажется, что если говорить об этом открыто и правдиво, то уважение людей к церкви будет возрастать, они научатся отличать глубину и истину самой веры от вины людей, которые не умеют жить по вере в полноте.

— *Есть ли отличия в наборе преподаваемых предметов от других вузов?*

М.В. Шилкина: Мы не случайно выбрали такую форму как дополнительное образование, потому что она более свободна, у нее нет госстандартов. Готовя учебный план, мы, с одной стороны, учитывали госстандарт высшего образования по религиоведению, но с другой стороны, составляли план так, чтобы он помогал решать задачи, о которых мы с Вами уже говорили. Поэтому мы были совершенно свободны в подборе предметов. Они сгруппированы по трем крупным направлениям. В основе всего лежит история мировых религий от древних до самых современных религиозных движений и культов. Второе направление связано с разговором о религии как таковой. Здесь мы говорим о феноменологии религии, о философии, социологии, психологии религии. И, наконец, третье направление связано с положением религии в обществе, и здесь основное внимание уделяется правовым и политологическим вопросам религии. Много учебных часов выделено на этику и эстетику религии для того, чтобы пока-

зать взаимосвязь между наукой, культурой, искусством, моралью и религией.

Такая свобода в подборе предметов дала нам возможность приглашать преподавателей из разных вузов Москвы. Преподавательский состав очень интересный. Это ведущие профессора и доценты Свято-Филаретовского института, некоторые из них — наши выпускники, довольно много интересных, высококвалифицированных преподавателей из РГГУ, МГУ, Российской Академии Госслужбы и ряда других вузов. Более 90% преподавателей факультета — кандидаты наук. Поскольку наши студенты уже имеют высшее образование, мы стремимся к тому, чтобы преподаватель, работающий на факультете дополнительного высшего образования, был выше по научному статусу, и следим за тем, чтобы этот статус был представлен не просто дипломом, а именно знаниями.

— *Что можно сказать о перспективах развития факультета?*

М.В. Шилкина: Хотелось бы иметь бакалавриат по религиоведению. Развитие факультета, я думаю, будет идти в сторону сохранения и дополнительного высшего образования. В то же время мы будем стремиться к тому, чтобы у нас было достаточно сил и возможностей (а прежде всего — абитуриентов) открыть полноценный бакалавриат.

А с другой стороны, мы полагаем, что необходимо 3-4 раза в год проводить недельные и даже двух-трехдневные курсы по религиоведению, особенно для учителей средних школ, колледжей из разных регионов нашей страны и, надеюсь, из Москвы. Они могли бы приезжать сюда на неделю и полностью погрузиться на весь день в изучение религии с целью получить хорошее основание для преподавания новых предметов в школе: основ православной культуры или истории мировых религий. Хотелось бы предложить на выбор 2-3 варианта разных программ.

Мы размышляем о том, чтобы факультет мог заключать договоры с газетами, с другими средствами массовой информации, потому что журналисты, пишущие о религии, сегодня серьезно нуждаются в повышении своей квалификации. Безграмотность материалов на религиозную тему уже стала притчей во языцех. Думаем, что особенно в областных центрах, где, как правило, нет факультетов религиоведения, будет спрос на семинары, которые могли бы проводить на выезд наши преподаватели.

— *Каковы перспективы у выпускников?*

М.В. Шилкина: Востребованность людей с религиозным образованием в стране очень большая. Наши выпускники могут найти себя как преподаватели в средних школах, в колледжах. Ведь чем бы ни закончилась дискуссия о преподавании в них основ православной культуры или истории мировых религий, понятно, что религиозные знания школьнику нужны, он не может жить в мире, буквально пронизанном разными духовными практиками, и не иметь о них представления.

С другой стороны, та же журналистика. Далеко не только тот, кто работает в штате газеты или на телевидении, нуждается в таких знаниях, но и тот, кто периодически может писать в газету, может сотрудничать с газетой, а главное, — читатель, который не должен «глотать» все, что ему подают в прессе, без разбора.

Мы надеемся, что религиозное образование будет так или иначе востребовано государственными службами, связанными по должности с религиозными организациями. Если чиновники областного уровня или уровня субъектов федераций имеют возможность повысить квалификацию в Российской Академии Госслужбы, то для служащих местного, районного звена это пока дорого и далеко. На таких факультетах, как наш, на его заочном отделении, они имеют уникальную возможность получить полный аудио-комплект всех лекций и учиться, не прерывая своей профессиональной деятельности, за сравнительно невысокую плату. Сейчас почти нет таких вузов, которые могли бы предоставить заочникам возможность слушать лекции, не присутствуя на них.

Но эта одна сторона вопроса, профессиональная. С другой же стороны, наше общество нуждается в том, чтобы общий уровень культуры, общий уровень грамотности в отношении религиозной жизни повышался. И поэтому любой человек, где бы и кем бы он ни работал, несомненно, выигрывает, получая такое образование. Даже выпускники бакалавриата и магистратуры СФИ всерьез обогащают свое христианское образование, заканчивая факультет религиоведения. Он не случайно называется факультетом дополнительного образования, — дополнительного как для светского, так и для базового духовного образования. Поэтому мы приглашаем и выпускников СФИ, и выпускников Духовных академий на этот факультет, чтобы их миссионерское свидетельство, их служение Богу и Церкви получило еще одно серьезное и глубокое основание.

Вопросы задавала Наталья Игнатович

О РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

Интервью с прот. Михаилом Меерсоном-Аксеновым, настоятелем храма Христа Спасителя (Нью-Йорк)

«Кифа»: О. Михаил, как Вы думаете, можно ли говорить об оригинальном русском богословии? Существует ли вообще такое или мы обречены иметь дело только с набором каких-то стилизаций и повторов великих богословов Востока и Запада? И если да, то зачем оно нужно?

О. Михаил: Недавно на одном из домашних семинаров по русской истории для аспирантов Джорджтаунского университета Борис Гаспаров сделал очень интересный доклад о «Починии» Владимира Мономаха и роли в нем церковнославянского языка. Он показал, что уже в X веке автор, если хотел перейти на высокий духовный стиль, использовал церковнославянский язык. Но это специфический язык, искусственный язык богослужения. На нем не разовьется православного дискурса. Однако в то время другого языка, пригодного для богословских размышлений, не было.

В конце XVII — начале XVIII века происходит объединение Украины с Россией. Петровские реформы открывают дорогу западному влиянию не только в обществе, но и в церкви, где ведущее, руководящее положение в это время занимает украинца. Петр Могила переводит на русский язык католические учебники. Это прежде всего Фома Аквинский (Аквинат), который полностью основан на Аристотеле. Западная схоластика — богословие Западной церкви — становится богословием православных школ. Это аристотелевско-томистское богословие, в буквальном смысле слова припророченное к православным нуждам. Богословие, естественно, школьное, т.е. то, которое ты изучаешь, чтобы знать некоторую структуру. Но оно уже устарело и не отвечает экзистенциальным потребностям ни человека, который его преподает, ни человека, который его слушает, ни, тем более, паствы. Меняется время. Да, Аристотель — великий философ для своего времени. Но мы вырвались из этого начала. А богословие всегда стоит на какой-то философской основе.

Для Аристотеля Бог — Первопричина, которая толкает все остальное и сама стоит в том же ряду причинно-следственных связей, что и все остальные явления. В этом смысле, как жаловался мне один французский, в католической церкви бог не свободен. А в православной церкви Бог свободен, т.е. православию удается вырваться из схолистического богословия. Поэтому богословское возрождение в России шло по пути обхода «школьного» богословия, при этом оно шло на фоне той философии, которая развивалась в Европе — немецкой философии. Это одновременно отталкивание от немецкой философии, ее преодоление и дискуссия с ней.

XIX век. Владимир Соловьев. Он мальчишкой становится атеистом. Ему нужно вернуться к вере. Он — думающий человек, он читает философов своего времени, так же как читают их его соотечественники — Чернышевский, Белинский, Гершен, Огарев. Они идут в одну сторону, потому что движение мысли уходит от Церкви, оно уходит от Бога. Надо остановить это движение. Надо создать свой синтез, но синтез уже из нового материала. Соловьев — наследник Гегеля, Канта, Шопенгауэра, Дарвина, Спенсера, Ницше. Из этого материала и одновременно патристических источников он и создает, так сказать, «неопатристический синтез». (Я использую слова Флоровского, но сам этот синтез начался до Флоровского. Он начался тогда, когда нужно было его включить в другой философский дискурс).

Сейчас мы находимся уже в терпимом мире, нас не уничтожают, как в 20-е годы: «Попы не нужны! Зачем они?!» Но реально мы представляем некоторую древность. Церковь никому особо не мешает. У нее нет сил, нет воли мешать тому движению атеистической секуляризации, которое обрушилось на людей как лавина капиталистического забегания непонятно за чем, за строительством непонятно чего и ради чего. Нас никто не слышит с нашей вечной Ветью.

Соловьев это почувствовал гораздо раньше и чувствовал очень сильно. У него были большие схемы. Например — давайте объединим Российского императора с папой Римским. Какая сила? А! Это была утопия. И об этом написал его ученик Евгений Трубецкой в труде «К вопросу о мировоззрении В.С. Соловьева». Первой развалилась Российская империя, т.е. одна из сторон предполагаемого альянса (которая к нему совсем не стремилась). Да и другая оказалась достаточно потертой жизнью. Утопизм развалился.

Но остались последователи Соловьева. Они говорят, что мужественный человек Владимир Соловьев заговорил современным языком. Т.е. он сказал, что мы, как Церковь, не можем и не должны выживать в пещере. В Церкви есть место для отшельников. Но Церковь, как таковая — не отшельница. Богословие нужно для сознания Церкви, для того, чтобы выйти к социальному,

общественному пути спасения, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин.3:16). Т.е. к миру надо идти, это очевидная вещь. Богословие — это выход к миру. Каким образом? Прежде всего, надо дать отчет о своем уповании. Это всегда очень трудное, предпринимчивое сынов Света, как сказал Господь.

«Кифа»: Все это прекрасно, но для нас-то сейчас чем ценно богословие серебряного века?

О. Михаил: Мы живем в мире информационного взрыва, где человек получает информацию обо всем и исходя из нее складывает свои собственные, личные мнения. Точно так же он получает информацию и о религии. Откуда он ее получает? Из «медиа». Он получает информацию из того источника, который громче орет в этот момент — например, из какого-нибудь «Кола Да Винчи» (успех этого фильма говорит о том, что никто ничего не знает про Евангелия).

Трагедия в том, что я должен защищать свою веру, я должен объяснять, почему в церкви четыре Евангелия и почему только этим четверем можно верить, почему именно эти четыре Евангелия избрала Церковь, почему Она их сохранила и до сих пор несет. Почему ни из каких других источников вы ничего не узнаете, почему вы должны узнать это в Церкви, от Нее? Сегодня церкви все это нужно защищать — нужно защищать то, что она получила, эту вещь, что Господь Иисус Христос воскрес и что Он «Един сый Святыя Троицы».

Я привез в Москву для издания свою книгу — «Новое богословие Троицы в русской религиозной мысли». Академическое богословие ничего нового не сказала по этому вопросу. Оно каким было, таким и остается: мы читаем все те же тексты IV века. Но одно дело сказать: так верит в Троицу Церковь. Другое дело сказать: так верили в Троицу в IV веке. Для человека, который живет сегодня, вполне допустима мысль: «Тогда верили, а сегодня, может, ошиблись. Между IV веком и нами большая разница. Тогда на ослах ездил».

И собственно говоря, то движение, которое я изучал с самого начала — о. Сергей Булгаков, Павел Флоренский, кто они такие? Они молодые люди. Флоренский в своих дневниках (это замечательное свидетельство) описывает свой дом, в котором он вырос. Замечательный, гуманистический дом, где ни одного грубого слова не было сказано вообще ни о ком и ни о чем. Но в этом доме с детства было множество табу. Что же это за табу? Он очень остроумно перечисляет — священники, православие, вера и масса других. Т.е. религия вообще не обсуждалась, как бы не существовала. Хотя он воспитывался в православной вере. Он вырос ученым человеком, который уже на I курсе университета много чего знал. Он ученик Бугаева — отца Андрея Белого, он с него брал пример. Пытался даже писать первые поэмы.

Этот человек через Мережковского узнает новый путь. И вдруг оказывается, что есть какой-то смысл в религии. И он открывает для себя заново религию, пишет книгу «Столы и утверждение истины» прежде всего для того, чтобы убедить самого себя. С этого он начинает. Двенадцать писем — это двенадцать писем к гипотетическому собеседнику. Ему хочется с кем-то поделиться. Он убеждает самого себя. Первый богословский шедевр XX века — это убеждение современного ученого, который вырос в гуманистической культуре нашего времени, в том, что вера отцов истинна. Православие — истинная вера, вот в чем дело. В этом смысле ее нельзя записать, и он ее как бы заново пишет для себя.

Друг Флоренского, Сергей Булгаков (есть замечательная картина Нестерова в Третьяковской галерее — «Два философа»: Флоренский и Булгаков вместе) — марксист, семинарист, который, как многие семинаристы, отпал. Бывший семинарист, как Сталин, как Чернышевский. Поехал в Германию, учился у Каутского, привез сюда свой марксизм. Потом начал отпадать. Это — работа мысли, постоянная работа мысли, постоянное преодоление самого себя: от марксизма к идеализму, от идеализма к христианству, от христианства к православию. Человек, который постоянно ищет, не удовлетворяясь ничем. Человек, который действительно никогда не останавливался ни перед какой трудностью, человек, которого никогда не убеждало чужое слово. Он должен был заново все открыть. И он до конца жизни — такой. Когда он начал поднимать богословие, он говорил: «Опять мы утыкаемся в эту аристотелевскую причинно-следственную связь». Так вот, мы не живем в мире Аристотеля, в причинно-следственной, когда говорим о Троице. И здесь — остановка, здесь святые отцы «проворачиваются», потому что здесь нет персонализма, нет, так сказать, личности, потому что эта неоплатоническая триада относится к вещам. Никакой разницы между компьютером, или колыской с кучером, или Троицей неоплатонической триады не может определить.

Эту триаду снова возрождает Соловьев и через век после него — Карл Раннер. И опять там эта безличность, имперсонализм, который не дает вернуть Троицу снова в понимание человека.

Современный кризис христианства — кризис троичного сознания. Христиане не верят в Троицу: католики не верят в Троицу, англикане не верят в Троицу, протестанты не верят в Троицу, кроме фундаменталистов, которые вообще ни во что не верят (они принимают все как есть, без понимания). Кризис тринитарного сознания! А если кризис тринитарного сознания, если ты не понимаешь, что такое Троица, если нет Логоса, то что значит, что «никто не восходил на небо, кроме Сына Человеческого, сшедшего с небес», то кто такой Иисус? Учитель праведности, пророк. Начинается вся эта бесконечная болтовня об «историческом Иисусе».

Это — кризис, фундаментальный кризис современного христианства. Надо возвращаться к пониманию того, что есть Троица, т.е. Троица — это основа Церкви. Если мы перестанем верить в Троицу, то давайте разберемся кто куда — в иудаизм и исламизм, в две прекрасно организованные общины, одна с мощными мускулами, другая с мощными финансовыми мускулами. Что, собственно говоря, и происходит, когда православные люди оказываются в свободном мире — они очень быстро разбегаются по разным местам.

Надо сохранить веру. Русская религиозная философия это и делает. Богословие о. Сергея Булгакова — «Свет Невечерний», главы о троичности, Большая трилогия — указывают традицию православной церкви, которую нужно понять. Это традиция, которую мы повторяем, мы ее служим, мы ее поем, но мы ее не понимаем. Ее надо освоить.

Ее надо освоить, прежде всего, как литургическую традицию. Это христотцентрическое богословие, христотцентрическая христология, из которой вытекает христотцентрическая экклесиология. Христос вчера, сегодня и вовеки Тот же, и мы держимся за Него, и Церковь держится за Него, и в Него как бы уходит, и из Него исходит. Отсюда необходимость постоянной евхаристии. «Я есть истинная лоза, а вы ветви». Кто не пребывает во Мне, тот выброшен вон. Пребывание во Христе — это евхаристический образ. Вообще не понятно, что значит во Христе, со Христом? Все протестантские попытки не могут охватить тайны слов «во Христе». Это евхаристический опыт.

Слова Иисуса, как они приведены в шестой главе Евангелия от Иоанна: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» — это невозможно для иудеев, невозможно для многих Его учеников. После того, как они это услышали, многие сказали: «Кто может слушать эти ужасные слова?», т.е. если не можете есть тело своего учителя, то не можете быть учениками. Кто это может слышать? Христос спрашивает апостолов: «Не хотите ли и вы уйти?» Ему аккурно отвечает Петр. Мол, Господи мы понимаем, что Ты имеешь в виду, конечно, мы Тебя слушаем. Он не говорит, что я Тебя понимаю. Здесь звучит: «Что бы Ты ни делал, мы идем за Тобой, если мы даже не понимаем». Далее церковь. Церковь должна понимать. О. Сергей Булгаков пишет статью «Евхаристический догмат». Это постоянное развитие и понимание того, что есть православное предание. Он открывает его заново с неслезанной простотой и убедительностью. Поражает прозрачная ясность его мысли. Конечно, он самая крупная фигура в богословии XX века, поэтому я говорю в основном о нем.

Кифа: Существует мнение, что русская религиозная философия и тесно связано с ней творчество русских богословов были лишь перенесением на русскую почву идей немецкой классической философии и связанного с ней так или иначе протестантского богословия. Такой вот протест на засилье католической по своему происхождению схоластики. Насколько справедливо это утверждение?

О. Михаил: Для ответа на этот вопрос мне хотелось бы вернуться к началу века, к тому времени, которым о. Георгий Флоровский закончил свои «Пути русского богословия». Это время, когда богословие выходило из схолистических пелен, оно рождалось в серебряном веке, оно рождалось в языке символистов, что очень существенно, потому что этот контекст надо понимать. Я написал на эту тему статью «О критике неокантианства». Нужно понять философский контекст этого времени: гносеологические проверки всего и вся — то, что внесло неокантианство и чем заполнило все кафедры философии и богословия.

Не случайно русским религиозным философам надо было создавать свое собственное издательство. Зачем они создавали это издательство? Печататься было нелегко, никто не печатал. Не печатали ни Булгакова, ни Трубецкого, ни Флоренского. Сидели везде неокантианцы, позитивисты — Миллюков, кадеты со своей программой позитивизма, или марксисты, или народольщцы, что то же самое, — на всех кафедрах и во всех издательствах Вот они и нашли влову Морозова, которая открыла религиозно-философское издательство «Путь». Так возникло это движение.

Итак, необходимо было преодолеть эту неокантианскую зависимость. Что сделал Кант? Что такое новая философия? С чего начинается новая философия? С коперникской революции.

Продолжение на с. 8

МИССИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Возможность миссии через печатное слово по сравнению с постперестроечным временем сегодня заметна сузилась. Это объясняется отчасти девальвацией вербального ряда, потоками ничего не значащих слов.

Но, наверное, в большей степени это сужение миссионерского пространства связано со сменой культурных парадигм. Пришедший на смену поставангарду и реализму постмодернизм не оставил места экзистенциальным откровениям. Новый «изм» играет с брендами и штампами читательского сознания. Он превратил культурную жизнь в карнавал, в хорост масок и уничтожил иерархию ценностей. Для автора исчезла ниша проповеди и пророка. В поэзии, к слову, она пропала еще раньше. «Поэзия не пророчество, а предчувствие. Осознанное предчувствие не-действительно», — утверждал еще в 60-е годы Ян Сатуновский.

Сейчас немало говорят о новом направлении в литературе — «новой искренности», которая вроде бы даст шанс на миссионерскую проповедь. Но все равно она существует в дискурсе постмодерна, и говорить о каком-то серьезном изменении культурных ландшафтов не приходится.

Правда, влияние постмодерна на СМИ весьма ограничено: оно относится к заголовкам, к манере описания событий. Но не затрагивает смысл. Федеральные газеты по-прежнему являются источником новостей и пространством для обмена мнений.

Однако в ситуации глобального сворачивания демократических свобод и укрепления вертикали власти даже федеральная пресса начинает желтеть. А желтизна, как известно, не очень способствует миссии.

Невозможна, к примеру, миссия на страницах «Московского комсомольца». Да, там постоянно появляются материалы на религиозные темы, затрагиваются,

пусть и в очень развязном тоне, важные церковно-государственные проблемы. Но ни один из текстов «МК» нельзя назвать миссионерским.

Впрочем, и в других, отнюдь не желтых изданиях, их немного. Это связано с форматом полос, с нормами подачи материала.

Но даже при самых жестких требованиях политкорректности журналисты, имеющие опыт религиозной жизни, могли бы писать материалы, в которых присутствовал бы и миссионерский посыл. Ведь миссия — это не только проповедь в лоб, но и свидетельство о благой жизни, о вечности. И такое свидетельство вполне может быть прописано в статье.

Однако даже когда обстоятельства позволяют, такие тексты проскальзывают крайне редко. И это, кроме прочего, говорит об отсутствии целостности у авторов. В частной религиозной жизни они одни, в пространстве публичной риторики совсем другие. Нередко ценности, которые журналист исповедует, входят в фатальные противоречия друг с другом, скажем, последовательные правозащитные позиции не стыкуются с императивом воцерковить мир. Но это сегодня для большинства не является внутренним вопросом. Как не является проблемой в общественном сознании соседство на Красной площади красных звезд и двуглавого орла — все это в стилистике постмодерна.

О религиозной сфере многие верующие журналисты пишут подчеркнуто холодно, отстраненно. Времена «НГР» Максима Шевченко канули в лету.

Но эта холодность плюс требования формата не оставляют места для кериматической проповеди.

И все-таки иногда, вопреки обстоятельствам, такая проповедь звучит. Это происходит, когда автор описывает важное церковное событие, обращается к теме,

связанной с церковной глубиной. И не обязательно в качестве информационной привязки становится масштабная церковно-государственная акция. Как раз наоборот: эти акции имеют политические, культурные, идентификационные и многие другие смыслы. Только не миссионерский. А вот рассказ о сестрах милосердия, о детском приюте, о сельской общине, которая вопреки повальному пьянству сумела создать уголок живого рая — все это вполне миссионерские темы.

Этим материалам органично подвешиваются тексты о культурных событиях, связанных с религией. Например, фильм «Остров», как бы к нему ни относиться, способствовал появлению изрядного числа миссионерских по духу статей. Этот дух присутствует и в очерках о паломничествах. И даже в некрологах. Скажем, смерть митрополита Суздальского Антония и академика С.С. Аверинцева заставила журналистов еще раз вспомнить, что значит человек Церкви и человек в церкви, о духовной вертикали.

Конечно, иногда то, что пишется о религии, имеет сомнительный вектор духовности. Это связано как с отсутствием религиозного опыта у журналиста, так и с сигналами, которые идут из церковной ограды. Ни для кого не секрет, что клирики нередко строят церковную жизнь на суевериях, на магическом отношении к таинствам и святыням. Мифы фундаментализма нередко затемняют в общественном сознании благую весть о победе над смертью. Все это вопросы. Но их уже, скорее, следует адресовать не журналистскому сообществу, а строителям церковной жизни.

Сегодня секулярные тенденции в мире нарастают. И Россия, как часть глобального мира, не может избежать этих процессов. А это значит, что все больше и больше будет появляться зон, в принципе не поддающихся воцерковлению. Однако верующие журналисты, ответственно пишущие о религии, могут нести, как говаривали раньше, свое слово в массы. Такие возможности у них есть.

Борис КОЛЫМАГИН

О РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

Продолжение. Начало на с. 7

Огромная вселенная, о которой мы узнаем все больше и больше. Мой друг астрофизик говорит, что сейчас открыто около двухсот миллионов галактик. Но даже если бы их было двести, а не двести миллионов, это все равно устрашает. Человек раздавлен, если он немножко подумает о крошечности своей и своей Земли, которая находится вообще где-то на окраине нашей собственной галактики. Если человек соотносит это с множеством галактик во вселенной, то становится понятно, что ничего не понятно. Т.е. становится совершенно непонятно, откуда человек произошел и зачем он вообще здесь нужен.

Так вот, я хочу сказать, что этот водораздел был внесен Кантом. Раньше мир был теистичным, и богословие соотносилось мыслью человеческую с Богом. Кант сказал, что ум человеческий не может делать такие вещи, потому что Бог, как и душа человеческая, есть вещь в себе. Никаких суждений на основании своего собственного разума мы сделать не можем. А с точки зрения практического разума нам это и не нужно. Практический разум, с точки зрения Канта, это разум нравственный. А нравственные чувства у нас внутри. И в этой жизни нам не важно: один Бог или два, и что мы знаем о Боге. С этого началось его богословие. С этого началась его философия.

Гегель пытался как-то преодолеть это, и по-своему он преодолевает наследие Канта. Потом из Гегеля выпадают левоеггелляны: вырастает атеизм, марксизм и т.д. И тогда возникает неокантианство, целое движение за философскую строгость, за возвращение к Канту. Их лозунг: «Мы проверяем все (как мы понимаем, что это — шашка, как мы понимаем, что это — ложка?) с точки зрения гносеологической, эпистемологической».

Неокантианство продолжает философическим языком Витгенштейна, той же самой линией. Начинается логический неопозитивизм. Начинается постмодернизм. «Что значат слова? Да ничего. А что значит слово «Бог»? Да ничего не значит», — скажет постмодернист. «Вопрос даже не в том, есть Он или нет. Для меня это только слово, которое ничего не значит». Все шатко, уже шатка не только вера, уже основа наших сентенций превращается в воду. Ни о каких аристотелевских субстанциях вообще речи быть не может.

Это как материя. Самая мистическая наука — это физика. Я вижу перед собой твердый стол, а мне говорят: «Да нет там ничего, там вообще решетка какая-то кристаллическая, атомы. А когда ты смотришь на атом,

там и решетки нет никакой». В конце концов, ты лохдишь до того, что маленькая частица вообще в волну переходит, и все. Материя — видимость. Нет никакой твердой материи. Это совершенно другой мир. И в этом мире аристотелевская философия рассыпается, как карточный домик. Но с карточным домиком падает все схоластическое богословие, которое на нем стоит, от Питера Ломбарда до Фомы Аквината. И то самое, которое мы приноравливали для своих школьных систем. Его можно выучить, сдать зачет. Но когда ты выступаешь перед публикой, и мало-мальски интеллигентный человек тебе задаст вопрос, что ты ему ответишь? С точки зрения этого богословия?

Поэтому возникает попытка заново строить богословие. Она связана с культурой — с поэзией, языком. Она выходит из серебряного века, потому что рождается новая культура. Культура идет в сторону создания огромного светского идеологического универсума. Поиск альтернативы происходит в религиозной философии. Как символист Вяч. Иванов, например, смотрит и туда и сюда. Флоренский, когда он пишет свою книгу «Стоп! и утверждение истины», пишет: «Сейчас я работаю над опытом символической гносеологии». Так он называет свою задачу включить Бога и человека в единый универсум, чтобы мы снова могли говорить о Боге, чтобы мы снова могли вернуть Его в наш дискурс — и Бога, и православное предание, и Троицу — все. И эта философская работа — это очищение. Она уникальна именно для русской мысли. Потому что на Западе она приняла совершенно другие формы. Она приняла формы Хайдеггера. Об этом говорит открытым текстом его ученик, Гадамер: «Почему Хайдеггеру понадобился онтологизм? Потому что ему надо было преодолеть неокантианство». Оно держало всех в неких абсолютно жестких философских оковах. Читайте. Это Коген, Наторп, Кассирер. Это все могучие машины-уны. Против них в начале XX века в Америке слегка выступил Вильям Джеймс со своим прагматизмом. Но потом они заполнили всю страну. Когда эти немцы приехали в Америку в 20-30-е годы прошлого века, а в Америке своей философии не было, они заняли соответствующие кафедры. Отсюда вышел неопозитивизм. Ну, американская философия — это особая статья, там нет особой философии. Но даже европейская философия. Постмодернизм весь отсюда, распадение марксизма. Но это большой философский разговор. Я не философ, я в этом смысле

самоучка. Я философ в той степени, в которой мне это нужно для богословия.

Выпад Хайдеггера — это попытка стороной обойти своей «феней» древнюю онтологию. Он возвращается, между прочим, к древней онтологии, к античности. Учит греческий язык, чтобы снова вернуться к бытию, к источнику, преодолевая границу, которую ставит человеческий разум по Канту (что мы не можем ни о чем судить). Русская философия это все преодолела. Она возвращается через гносеологию к онтологии, показывая, что гносеология — это часть онтологии, что внутри онтологии она может быть понята и обоснована. Это темы Трубецкого, это темы периода издания «Путь». Потом члены этого круга создают уже свою философию — создают, вернувшись в Церковь. Поэтому в Париже, в Сергиевском институте строится православное богословие с учетом всего этого. Эти вещи уже освоены. Они уже философски освещены всей коргортной философией — Франком по-своему, Николаем Лосским через свою философию интуитивизма, о Сергием Булгаковым, Бердяевым, который продолжает идти своим путем. А далее начинается развитие богословского сознания.

Да, сейчас они немного устаревают, потому что неокантианства нет. Сейчас другие «чужовища» на сцене. Но эти «чужовища» не на пустом месте, они откуда же возникли. А у нас, на мой взгляд, нет никакой другой традиции. Наша философская и богословская традиция — только эта.

**Санкт-Петербург, 28 июля 2006 г.
Беседовал Александр Буров.**

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СООБЩЕСТВА БРАТСТВО

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29, стр. 1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© ООО «Преображение». Все права защищены
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колымагин
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@net.ru
Электронная версия газеты: http://gazeta.kifa.ru

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелева

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5. Тираж 1300. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 15 августа 2007 г. Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00. Дата выхода в свет 17 августа 2007 г.

Нашу газету можно приобрести в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СВФ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подорож);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Севастопольск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);
Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская);
Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)